

**РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

Д

а л е к с е й

Н А С Т

**ХОЛОДНЫЕ
СЕРДЦА**

Алексей Наст
Холодные сердца
Серия «Русский детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43718020

*Холодные сердца:
ISBN 978-5-227-08801-7*

Аннотация

Путь Артема Бардакова от простого заводского инженера до единоличного владельца крупного фарфорового завода – это путь предприимчивого, расчетливого и хладнокровного человека. Решив воспользоваться возможностями периода начального капиталистического накопления, он превратился в циничного, кровожадного и аморального подлеца, не чурающегося никакой низости ради достижения своих целей. В сердце Бардакова не осталось тепла ни к коллегам, ни к самым близким людям – жене, сыну, дочери... Он преступает закон и мораль, получая порочное удовольствие от своих бесчинств. Но зло, как бумеранг, однажды возвращается...

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

75

Алексей Наст

Холодные сердца

© Алексей Наст, 2019

© Художественное оформление серии «Центрполиграф»,
2019

© «Центрполиграф», 2019

Часть первая

Изощренность

«Мерседес» бесшумно летел по трассе, только шуршание шин об асфальт выдавало его соприкосновение с поверхностью. Новейший «лайнер» был внушительен, как самолет, – его Бардаков купил позавчера. Отвалил бешеную зеленую. Можно было не брать, и так два черных «хаммера» составляли обязательный эскорт его «порше-кайену», но все мало-мальски денежные мешки имели «кабанов». Требовалось держать марку.

Рабочие на заводе остались без зарплаты. В который раз. Ропщут, выкрикивают дрянные словечки, грозятся устроить голодовку и бастовать. Пусть голодуют – хрен с ними! Но работа стоять не должна, не может такого случиться!

Еще утром управляющий заводом Огурцов позвонил ему домой и рассказал о ропоте – рабочие толпятся у административного здания, настроены агрессивно. Узнали о проколе с зарплатой.

Трудный будет сегодня денек. Ропот и шатание – это дополнительная блевота, в нагрузку к основной заботе...

Бардаков нервно протер ладонью сухое одутловатое лицо (солидный, взрослый мужчина), в раздумье глядел сквозь тонированное стекло на скошенные луга, прорезанные пере-

лесками. Трудно быть хозяином жизни, делать ее по своему усмотрению, ужасно трудно. Вначале думалось: потерплю еще немного, и дальше все пойдет как по маслу. Как бы не так! Каждый день и час ждешь дерьма. То, что затевалось в последнее время за его спиной, было самой подлой и опасной гадостью... И кем затевалось!

Он рвал себя на части, пытаясь найти выход... Все этот проклятый завод, завод, который дал ему все и все отнял!

На завод он попал еще молодым парнем, год за годом делал карьеру, учился, льстил и подсиживал. Вытерпел лихие девяностые, когда жилось впроголодь, а работалось за идею, что завод будет жить и процветать при новых хозяевах-капиталистах, прибравших к рукам лакомый кусок после махинаций с ваучерами. При новом строе Бардаков даже немного упрочил свое положение, но, невзирая на опыт и прилежание, ощущал себя уже бесправным холопом, которого могли выкинуть на улицу по любой прихоти.

К новому переделу собственности, когда по стране покатила волна рейдерских захватов окрепших и вставших на ноги предприятий чиновниками, ментами и крупными преступными синдикатами, он, Артем Петрович Бардаков, зрелый муж и состоявшаяся личность, пришел в должности главного инженера завода фарфоровых изделий «Луговский фарфор». В то время уже вовсю шла закулисная борьба «неизвестных» рейдеров с собственниками завода, «крас-

ными директорами», давно привыкшими к тому, что приватизированный в девяностые годы двадцатого века кусок государственной собственности испокон веков их собственный. Но, несмотря на специфические суды в далеких деревнях с жуткими исками и обвинениями, прибрать завод, не имея своего человека в стане врага, было невозможно. Тогда и пришел к Бардакову случай стать богачом.

Наезд на завод осуществлялся местной мафией, на проски которой всегда можно было кивать в случае каких-то сбоев, а после завод должен был уйти основному заказчику. Прикормленные местной властью братаны напрямую окучивали директора завода Еремеева, чтобы он бросил старых хозяев и пошел под братву, оставаясь управляющим, за хорошую мзду. Но Еремеев не поверил братве – они легко обещают, только выполнять обещания не спешат. Братаны не расстроились, профильтровали весь инженерно-управленческий аппарат и вышли на Бардакова – его честолюбие и алчность бросались в глаза. Ему предложили стать боссом – завод отсудят и переписут на его имя, а уж он тихонько распродаст его по частям всяким подставным офшорным фирмам, которые передадут акции настоящему, тайному владельцу. Поговаривали шепотом о какой-то шишке федерального уровня, приближенной к кормилу власти.

Бардакова предупредили, что денег на него не пожалеют, но держать будут на коротком поводке. Вот тогда Артем Петрович крепко задумался. Это был шанс, и шанс единствен-

ный за всю прошедшую и на всю оставшуюся жизнь. Он долго комбинировал, как извлечь из масляного предложения максимальную выгоду, и, когда нашел щелку, через которую он смог бы утащить завод только для себя одного, оставшись живым и счастливым, решительно согласился!

Этой щелкой была его жена. Да, да, любимая супруга Анна Сергеевна. Она была моложе Бардакова на пятнадцать лет, ей уже было далеко за, но она по-прежнему представляла собой аппетитную туготелую красавицу. Вообще, семья у Бардакова была идеальная: жена-лапочка, сын – двадцатитрехлетний умник, оканчивающий институт, и дочь – приятная и добрая, двадцати двух лет от роду, будущий экономист. Чего желать! Все любят папу, уходя, все целуют маму в щечку: «Как дела, мамочка? Пока, па!»

Жена досталась Бардакову уже «пользованная». Он не любил этого слова, но оно всякий раз всплывало в мозгу, когда он вспоминал молодость и первую любовь. Перед тем как стать миссис Бардаковой, юная Аня делила плотские радости с гадким прыщавым лейтенантом милиции Кожиным. Кожин был влюблен в нее по уши, но вот Бардаков все им разметал. Стала Аня женой Артемки Бардакова, мастера по литью фарфоровых чашек и блюдец, прожила с ним счастливо, принесла добрый приплод и старалась хранить в доме атмосферу семейного уюта, которую Бардаков так ценил. А Кожин стал полковником милиции и после основательной чистки рядов и переименования силового ведомства был на-

значен на должность главного силовика области. Это случилось как раз в момент решающей схватки за владение заводом. Он все так же любил Анну.

Коварный Бардаков именно это старое влечение решил использовать для блага себя и, конечно, любимой семьи. Нет, он не собирался толкать супругу на разврат, но пококетничать и свести его поближе с Кожиным она была в состоянии. А там, опираясь на могущество Кожина, можно было легко избавиться от охамевшей самоуверенной братвы. Про федерального заказчика Бардаков не думал – тот подгробал под себя оптом, не вникая в конкретику, из-за прокола с каким-то там заводиком на рожон не полезет.

Узнав его план, жена возмутилась.

– Дура! – сердито крикнул Бардаков и хлопнул тяжелой ладонью по столу. – Не можешь раз постараться для семьи!

– Да он приставать начнет...

– Ты потерпи. Легонько пусть, но не так, чтобы... Ну ты понимаешь. «Хи-хи» там, «ме-ме». Он нужен... Или тебе не осточертело жить впроголодь?!

– Мы не живем впроголодь.

– Так будем!

В общем, он ее уговорил.

Наведавшись в кабинет к Кожину и пояснив, что ей и ее непутевому супругу требуется помощь и покровительство, Анна пригласила Кожина к себе на ужин – Бардаков в домашней обстановке, за рюмкой водки собирался сторговать-

ся с первым любовником дорогой женоушки. Кожин, к тому времени вдовец, имеющий взрослого сына-студента, согласился навеститься и даже взглядом не показал, что держит в уме старые желания.

Ужин был скромный, сидели втроем – Бардаков, Кожин и Анна, ели, пили, Кожин иногда танцевал с хозяйкой, хозяин хмелел, гость часто курил. На кухне за очередной сигаретой Бардаков попросил помощи и пообещал быть щедрым в благодарности. Хитрый Кожин на все выбубнил только две фразы:

– Понимаю. Надо подумать.

Потом пили еще. У Артема от ощущения неудачи (деньгами этого хрена не купишь!)

разболелась голова, он совсем осовел от выпитого, выпил еще, чтобы совсем отрубиться, и ушел в другую комнату. На диване он провалился в забытье. Он и спал и не спал, слышал где-то там, далеко, может быть, в зале, или во второй спальне, или в своем мозгу, шепот, скрип и утробные, чавкающие звуки:

– Скрип, скрип. Чавк, чавк. Шлеп, шлеп. Повернись на бок. Ногу чуть... Неудобно... У тебя огромный! Забыла?! Чавк, чавк. Шлеп, шлеп...

Утром Артем проснулся от дичайшей головной боли. Была суббота – выходной день. Он долго умывался, с трудом припоминая, чем закончился вчерашний визит Кожина, но так и не мог внятно вспомнить, что было реально, а что при-

грезилось... Веселая, даже помолодевшая жена ласково пожурила, сервируя стол к завтраку:

– У-у, пьяница! Вчера отрубился. Мне перед Кожиным было неудобно. Вы не договорили.

– Он пьет как верблюды и не пьянеет.

– Он же мент! Им так положено!.. Пригласил нас сегодня к себе на дачу. Будут шашлык и рыбалка. У него дача на Солнечном озере.

– Уже успел там устроиться! Там у всех шишек дачи. Когда он ушел?

– Ты уснул, он посидел с полчаса, думал, что проснешься, а потом ушел.

– Черт, похмелье дикое. Дай водки.

– А машину кто поведет?

– Ты. Видишь, в каком я состоянии!.. Он к тебе не приставал? Не лапал?

– Я уже не такая привлекательная, как в молодости... Намеки делал прозрачные, но, видимо, так, для приличия...

– Как это? – удивился Бардаков. Как можно делать неприличные намеки, чтобы соблюсти приличия?

– Он, как ты выражаешься, шишка, а мне далеко за, – вдруг со злостью пояснила супруга. Спросила резко, бросив кухонное полотенце на стол: – Можно не углубляться в тему?

Бардаков не поверил ее спектаклю:

– Фигня. Я знаю – ты ему нравишься... Странно, что он не приставал... Я специально уснул...

– Ты специально уснул? – вскинулась Анна негодуя.

– Да. Чтобы вы могли...

– Ну, ты урод полный!

– Мы же заранее договорились, как действовать!

Анна отмахнулась с досадой:

– Я дипломатично уводила разговор на тебя, чтобы не ворошить прошлого... Думала, вы еще поговорите и решите вопрос сами... Без моего участия!

Бардаков зло взвился – неужели ничего не было? Он же все ясно слышал! Неужели все было сном и он принимал желаемое за действительное? Господи! Ему требовалось удержать завод за собой любыми способами и средствами! Любыми!

– В следующий раз уводи так, чтобы он думал, что может с тобой...

– Фу, гадости говоришь.

– А я хочу? Надо! Выкупим завод, по-другому заживем...

– Мы и так живем лучше некуда! – закричала в ответ жена. – Ты что дуреешь? Из-за чего?

– Надо лучше, дорогая супруга. И ты это понимаешь не хуже меня, – спокойным голосом произнес Бардаков...

Дача Кожина находилась далеко за городом, в сосновом бору у прекрасного озера. Живописные берега, песчаные пляжи – эти места давно пришлись по вкусу власти имущим. Дачи не были огорожены каким-то забором, но в народе счи-

тались закрытой территорией, и туда старались не заезжать.

Кожин принимал Бардакова и Анну вместе со своим сыном – светловолосым высоким красавцем Станиславом. За шашлыком и выпивкой у бревенчатого коттеджа-теремка время летело незаметно. Потом все вместе, вчетвером, пошли к озеру удить рыбу.

Кожин заметил, что Анну не интересует ловля, и предложил ей насладиться в домике видеофильмом с видами старой Европы под так любимую ею классическую музыку.

Бардаков хмуро следил за поплавком. Иногда следовали ленивые поклевки.

Станислав поймал двух увесистых линей.

Кожин, провожавший Анну в домик, не показывался уже с полчаса. Бардаков нервничал и поглядывал на часы.

– Что-то клев плохой, – заметив его нервозность, мягко произнес Станислав. – Пойду принесу прикормку и посмотрю, где отец. Может, опять служебные дела отрывают?

Станислав ушел. Бардаков чувствовал, как все внутри его сотрясается от гнева – Кожин конечно же сейчас пользуется его женой. И вчера это был не сон и не пьяное дурное наваждение – он драл ее, пока Артем спал. Драл эту суку, которой он верил и которую любил!

Его возмутило, что Анна оказалась такой довольной сегодня утром. Вчера, значит, ей понравилось со своим первым любовником старое вспоминать! А иначе как? Стерва! А он доверился ей во всем, любил эту стервозу все эти годы. Был

с ней счастлив...

Злясь, Бардаков пошел к домику.

Он миновал несколько полян, запыхался – дородное тело вспотело, и появилась одышка. Остановившись, он вдруг осознал, что не испытывал сожаления от измены жены. Он подсознательно был готов к такому повороту событий. Хрен с ней, все равно былая страсть прошла. Пусть порезвится! Лишь бы своими прелестями уговорила Кожина помочь... Он усмехнулся: прелестями! Для него они уже давно не прелести, а отвратность – женщина стареет и не вызывает никаких сексуальных позывов! Ставки слишком высоки в игре, которую затеял Артем Бардаков, если старая жена еще на что-нибудь сгодится, он будет только рад этому!

Он пошел к домику спокойнее, а у резного крыльца начал красться на цыпочках. Он слышал, как из окна раздавались скрип старой деревянной кровати с пружинным матрасом и постанывания Анны. Он усмехнулся – стонет как проститутка. Пытается доказать, что ей нравится, как ее обрабатывают! Вот мразь! С ним она себе такого не позволяла, молчала, сжав губы, словно партизан на допросе, когда он проник в нее и приносил наслаждение... Нет, реально приносил наслаждение – он знал это. Он чувствовал, как она под ним тихонько кончала с ворчанием, мерзкая шлюха, а здесь рычала, словно спаривалась с богом плотской любви, как там его... А, наплевать... Она стонала под другим мужиком, и это все объясняло!

От ударов сердца заложило уши. К чему такое волнение? Он спокоен, совершенно спокоен! Ничего не происходит, что его может задеть...

Он осторожно заглянул в зашторенное окно. Сквозь щель между клетчатыми шторами была видна широченная кровать, застеленная белым в цветочек покрывалом, обнаженная Анна, потная и расслабленная, и кабан Кожин, похожий на крупного самца гориллы. Было удивительно видеть Анну под другим мужчиной, всаживающим в нее свой член, сжимающим своими толстыми короткими пальцами ее полные груди с торчащими от истомы сосками. Кожин блеснул от пота и работал медленно, с остановками.

Дверь в комнату была открыта. Бардаков заметил в дверном проеме Станислава. Тот не был смущен, застав отца, покрывающего чужую жену. Кожин тоже заметил сына, тоже не смутился, но прекратил соитие, поднялся. Он что-то коротко сказал Анне, хлопнув ладонью по бедру. Она с прикрытыми от неги глазами повернулась на живот. Кожин взял ее за ноги и стянул до половины кровати, поставив коленями на пол. Она полулежала, блаженно улыбаясь, предоставив свои сокровенные места для дальнейшего.

Кожин возобновил медленные, ритмичные движения, опять до ушей Артема Петровича дошли знакомые звуки из сна:

– Шлеп, шлеп... Чавк, чавк...

Дальнейшее Бардакова изумило и заставило озадаченным

уйти обратно к своим удочкам. Кожин-младший, все это время наблюдавший за отцом с одобрительной улыбкой, вдруг бесшумно снял джинсы и плавки и пробрался к отцу. Тот извлек свой бивень, и туда тут же внедрился член Станислава. Анна застонала, понимая происходящее, но делая вид, что не замечает подмены. Кожин-старший, вытирая полотенцем потные лицо, шею и поясницу, пошел прочь, а Станислав продолжил азартно вбивать свой клин. Это была фирменная шутка Кожиных...

Бардаков сидел на берегу озера, словно в оцепенении. Увиденное его потрясло, он даже подумал, что никогда не любил Анну. И еще его поразило собственное равнодушие к происходящему в домике. Его жену обихаживали два самца, а он смолчал, ушел тихо, боясь, чтобы его услышали... Это было что-то немыслимое! Он же считал себя самым крутым, богатым и неприкасаемым, а оказывается, можно спокойно иметь его жену, спокойно выталкивать его из бизнеса, требуя неопикуемой мзды, словно монголо-татары с обессиленной Руси... Как же жить тогда здесь? Как?

Вернулся веселый и бодрый Кожин.

Ему было наплевать, в каком Артем состоянии. Он с ходу плюхнулся рядом с ним на землю, поправил удочки, улыбаясь, сильно приобнял его одной рукой, словно был изрядно подшофе, и подергал:

– Э, Артем Петрович, бросай ты эту рыбалку! Не тот день сегодня! Жить надо! Жить!

Он запросто затормозил Артема, словно они были на короткой ноге, и тут же, без перехода, назвал сумму вознаграждения за помощь. Деньги можно было передать потом, когда прибыль от захваченного завода пойдет в карман Бардакову в полном объеме...

Артем Петрович и притихшая Анна домой возвращались в полном молчании. Артем, несмотря на то что был сильно пьян, не боясь уже никого и ничего, сам вел машину.

Анна жалась на заднем сиденье.

– Артем, ты почему сел за руль? Ты пьян!

– Заткнись! Помойка!

– Ты меня обидел! По полной программе... Какая я тебе помойка?

– Раз сказал – помойка, значит, помойка...

– Ты сам, урод, втянул меня во все это! – В голосе Анны сквозило отчаяние.

– Приедем, подогрей еду. Я у твоего Кожина не ел!

Дома Анна не стала ничего греть, а, сославшись на утомление и головную боль, сразу ушла в спальню и легла в постель.

Бардаков принял холодный душ, который обжег и отрезвил. Он пришел на темную кухню, быстро разбил в стакан сырое яйцо и жадно выпил его, закусывая плохо пропеченным хлебом из кукурузной муки... Как в холостой жизни! Тогда зачем она нужна, эта шваль... Он хищно улыбнулся.

Так или иначе, дело теперь было на мази! Кожин поможет и прикроет!

Он снова пошел в душ и сделал воду погорячее.

Картины секса в воспаленном воображении, где Анна сначала была с Кожиным-отцом, а потом с сыном, возбудили его необычайно.

Выбравшись из душевой кабины, он, как попало отершись, ворвался в спальню и жадно, невзирая на протесты жены, с удовольствием овладел ею раз и еще раз, а потом, не удовлетворенный до конца, принося ей боль, сблизился с ней в содомии... Это его женщина! Только его, что бы там ни было!

Он расслабился.

Так бурно он не любил лет пять! Последнее соитие было месяца три назад, и такое вялое, бесцветное, не удовлетворившее обоих, что теперь, после того как муж овладевал ею, громко крича, Анна задумалась. Ее взгляд спрашивал, уж не видел ли Артем ее «падения»?

После секса, ничего не говоря, снова приняв холодный душ, Артем Петрович, невзирая на выходной день, поехал на стрелку к братве – он был согласен на условия своих криминальных нанимателей.

Далее купленный суд принял нужное решение, купленные люди в регистрационной палате переписали весь завод на Бардакова. Директор Еремеев, понимая, что пролетел вместе со своими неповоротливыми хозяевами, получив удар в

спину от своего главного инженера, глупо орал на Бардакова, еще не сознавая полного поражения, грозил стереть выскочку в порошок.

Еремеева выгнали за ворота завода присланные Кожиным бойцы одного из подконтрольных ему ЧОПов, которых, в свою очередь, не разрешали трогать опять же присланные им милиционеры (уже полицейские).

Бардаков, днюя и ночуя на заводе, основательно закручивал гайки. Из крепких парней сколотил свою охрану, задобрил рабочих премией, рассчитал людей Еремеева, разорвал договоры с фирмами-посредниками, которые были в доле с Еремеевым, и зарегистрировал свои фирмы в офшорах, отдав им закупку сырья для производства и сбыт готовой продукции, все с большим дисконтом, чтобы хапать сразу в свой карман и помногу. А завод? По большому счету тогда было плевать и на завод. Случись что, правительство всегда спасет, выдав льготные кредиты, ради рабочего быдла, чтобы не вякало, не тревожило власть. На эти кредиты можно будет снова закупить недвижимости за рубежом, земли, золота на некие офшорные фирмы и, в случае чего, сбежать богатым и счастливым навсегда из России. Обычный план хитрожопого российского умника из так называемой политической и чиновной элиты.

Бардаков закусил удила – ему было все равно, лишь бы выполнить свой грандиозный план обогащения. Захапать баблосы и сбежать в Лондон! Как пел Григорий Лепс: «Я уеду

жить в Лондон!» Все, все, мало-мальски поднявшись в России, мечтали скрыться с деньгами за границей! И Артем был одним из всех, среднеарифметическим стяжателем, без стыда и совести, дитя нового времени, но выпестованный в социалистическом обществе. Какая странная и смешная метаморфоза!

Пошли первые деньги...

Но не тут-то было!

Сразу напомнила о себе братва: столько-то денег в общак, тех-то, тех-то парней в руководство и на солидные оклады, те-то и те-то иномарки за счет завода купить для бандитской элиты. И т. д., и т. п. Преступники, вдруг заполучив завод, резонно решили, что пока не стоит скидывать такой роскошный актив какому-то федеральному говнюку (он все равно не поймет, что получил, что обломилось, – рейдерские операции шли в огромных масштабах, по всей стране).

Бардаков мрачно усмехнулся. Он предвидел, что жадность подведет бандюганов – она подводила не только фразеров. Были бы они нормальными людьми – не сидели бы по зонам по многу лет, не умея сдерживать свою алчность. А так, придержав завод от заказчика, они упростили Бардакову задачу. Теперь из Москвы их никто не собирался прикрывать!

Один звонок Кожину!

Всех взяли в один день. Били по соплям, пока не усрались и не дали «признательные» показания во всех своих грехах

с момента рождения. Пошли по зонам на большие сроки.

Так Бардаков стал хозяином завода...

Он еще боялся первые два месяца, что те, кого он кинул, передадут с зон весточку и его грохнет какой-нибудь невыявленный браток. Организованная по военному образцу и оснащенная крутым оборудованием служба его охраны сканировала пространство, выискивая опасность. Большие деньги, падающие как манна небесная в его карман, дали ему возможность отследить, кто из нагретых им братанов отбывал срок, в какой зоне, и за мзду всю причастную к делу братву истребили в казематах. Кого-то резанул злой урка, кто-то утонул в нужнике, кто-то повесился с тоски, кого-то застрелили при попытке к бегству. Порешили всех...

Амба, Бардаков – чемпион!

Оставалось расплатиться с Кожиным и избавиться от ставшей ненавистной суки-жены.

Мысль об Анне, черная и плохая, давила Бардакову на мозги, мешая работать.

Вскоре Кожин получил новое назначение с повышением – переводился на федеральный уровень, в столицу округа. Его сын позвонил Артему на завод и попросил прислать к ним на дачу Анну (отец не хочет беспокоить самого Артема Петровича), чтобы уточнить оставшуюся часть оговоренной мзды с завода, и какими частями ее следует передавать, и в какие сроки. Артем вздрогнул, как от пощечины – Кожин-извращенец вновь собирался паялить его жену на пару с сыноч-

ком! И слова о мзде! Они вынюхали, какие барыши пошли к нему в карман, и теперь сдавят его шею новыми непомерными требованиями! Ах, волки! И тут же подумал, что, может быть, овладевая Анной, этот скот вспомнит о приличиях и не станет драть с него три шкуры.

– Она приедет, – выдавил из себя Бардаков и хлопыстнул трубкой об аппарат. Но тут же поднял ее, набрал свой домашний номер.

Голос Анны был сонным и тусклым:

– Алло, я слушаю.

– Езжай к Кожину на дачу. Сейчас.

– Одна?

– Да. – Артем говорил резко, отрывисто, через силу. – Убеди его, чтобы не драл с меня три шкуры. Всему должна быть мера. У нас изначально с ним оговоренная сумма, и новых поборов мне не выдержать.

– Артем, я не хочу...

– Послушай! Это надо нам. Чем меньше он возьмет, тем больше достанется нам, нашим детям.

– Артем, я тебя не вижу три месяца, ты не выходишь с завода, не звонишь, когда звоню я – не берешь трубку.

– Наводил порядок.

– Нет, Артем, я не хочу ехать к Кожину, и мне совсем не нравишься ты и твой завод. Ты забыл и меня, и детей. Зачем тогда все?

Бардаков притворно смягчился:

– Я понимаю, что ты злишься. Съезди, я прошу. Больше ездить не придется – он уезжает. Завтра воскресенье, я приеду домой. Все будет хорошо, как раньше. Здесь был завал, я все раскидал, теперь все работает ритмично. Съезди, пожалуйста.

– Ну хорошо.

Он сразу положил трубку. Не хочет она, кривляется, а сама, поди, рада снова подлечь под кожинскую семейку.

От злости Артем захотел есть, позвонил в столовую. Ему принесли в кабинет рассольник и две котлеты с подливой. Он жадно ел, представляя, как Анна стонет от удовольствия под Кожиным-старшим. Гадкая шлюха! Он возбудился неимоверно от этого видения, не смог есть, бросил ложку в стену. Сейчас бы сблизиться в соитии с какой-нибудь смазливой девкой и жадно излиться в нее! Жаль, секретарша – старуха, спец, но старуха, оставшаяся еще со времен Еремеева. Она могла быть шпионкой по идее, но он верил, что старуха слишком честна, чтобы продолжать работать на Еремеева – Еремеев теперь никто, завел себе жалкую оптово-розничную фирмочку, торгует чем придется...

Артем нервно вскочил из-за стола и побежал вон из кабинета. В большой приемной кинул взгляд на старуху – ее надо уволить, посадить за компьютер смазливую шляндру, чтобы в любой момент могла подставить или сделать минет, лучше замужнюю и с детьми, иначе пойдут толки, что он уволил старую высококласную профессионалку ради своей похоти.

Да и хрен со всеми, пусть думают что хотят, он теперь здесь царь и бог!

Старуха хотела спросить, куда он так заторопился, но Бардаков отмахнулся, оказался в коридоре, по широкой мраморной лестнице спустился на первый этаж, пересек вестибюль и вышел на крыльцо заводоуправления. Его шофер Толик, заметив хозяина, подал внедорожник под руку. Артем нервно приказал ему отдыхать, сам прыгнул за руль и помчался к Солнечному озеру. Его распирало желание еще раз увидеть, как Кожин овладевает Анной, бессмысленное, глупое, но этому желанию невозможно было сопротивляться.

Всю дорогу он был как в бреду. Машину бросил в лесу, не доезжая до дачного поселка. Долго бежал между соснами, ориентируясь на блеск воды вдалеке. Запыхавшись, неожиданно вышел к лощине, поросшей орешником. Впереди было озеро и рубленая из бревен баня Кожина. Стояла она на берегу, и прямо от дверей тянулся к воде дощатый настил. Дверь была открыта.

Изнутри вырывался белый парной воздух, слышались мужские голоса. Молодые голоса, смех, гогот. И вдруг из бани выпорхнула совершенно обнаженная, мокрая, красная, с прилипшими листиками березового веника, смеющаяся Анна. Она показалась Артему прекрасной.

Она запрокинула назад голову, подставив ветру лицо. Ее фигура, приятная, с полными грудями, небольшим животом, мягкими, округлыми ягодицами и крепкими стройными но-

гами, показалась Бардакову юной и чистой, словно Анне не было всех ее лет и ее дети уже не были взрослыми людьми.

Из бани вышел молодой субъект (не Станислав) – какой-то коротко стриженный парень, худой и высокий, с радостной улыбкой и большим торчащим членом. Он подошел к Анне сзади, сдавил руками ее полные груди. Она прижалась затылком, улыбаясь, к его плечу, опущенная рука нашла и сжала член.

Бардаков отрезвел. Он видел шлюху Анну, счастливую, которая мылась в бане с мужиками, судя по голосам – троице. К Кожиным присоединился дружок Станислава! Артем громко усмехнулся. С какой же дрянью он жил все эти годы!

Худой парень тем временем уже всю совокуплялся с Анной, заставив ее прогнуться вперед.

– Хлоп, хлоп, хлоп.

– А мы? Хе-хе. – Из бани вышли Станислав и тоже молоденький, но толстяк, парень-коротышка. Они оба были на взводе, готовые «любить».

Артем поразился – Кожина-старшего здесь не было! Станислав его провел! Он вызвал Анну для себя и своих дружков. Полковник мог и не знать о здесь творящемся!

Он вдруг рассвирепел, представив себя со стороны, стоящего в кустах орешника, с крутыми ветвистыми рогами. Он физически почувствовал, как из головы над ушами лезут они, костяные, вытягивающие мозги. Рогач! Его жену-шлюху трахают сынки крутых людей! А может, даже не сынки,

а простолюдины – сынок только Станислав, а эти – нищета, человеческая мелочь, неудачники... И его жена с ними... с удовольствием убажует этих мразей! Сколько раз она уже спарилась с ними? Пять раз? Десять? Они молоды и неутомимы. Сука! Грязная сука! Она не человек, а реально самка собаки!

А может, Кожин знал и позволил сыну позабавиться напоследок?

Артем зло вздохнул – как бы ни было, он не должен прерывать оргию, не должен показать, что открыл все. И теперь не уйдешь – могут услышать. Придется стоять, не шелохнувшись, и смотреть.

– Шлеп, шлеп, шлеп, – торопился высокий.

– Хватит тебе, – торопил Станислав.

– Дай кончить. Уже.

– Хватит! – буквально выдернул его Станислав, но высокий, хохоча, ухватил Станислава за руку, не позволяя занять освободившееся место, и они, борясь, отбежали к бане.

Коротышка, не теряя времени, подскочил к Анне, но не достал – Анна была высокой женщиной. Он ухватил ее толстыми ручонками за бедра, натягивая на себя. Она увидела, кто пытается сблизиться с ней, на губах заиграла снисходительная ухмылка. Коротышка встал на цыпочки, но не достал. И тут Анна, к возмущению Бардакова, согнула колени, одной рукой опершись в землю, чтобы не упасть. Неловкий Коротышка радостно тыкнулся, но не попал. Анне пришлось

ему помогать, самой протолкнув член неумелого любовника, и, когда Коротышка принялся за дело, она улыбалась, поощрительно кивая ему, мол, молодец, хорошо.

Станислав и высокий, перестав шутливо бороться, подошли ближе, наблюдая за соитием высокой красивой женщины и неуклюжего Коротышки.

– Давай, Федя, кончи.

Коротышка потел, пуча глаза и отдуваясь, потом застоялся, дернулся несколько раз в сладостных конвульсиях и замер. Расслабленно выдохнув воздух, сразу став безразличным, Коротышка покинул свое место. Станислав вознамерился тут же продолжить оргию, но Анна выпрямилась и направилась в баню, предупредив:

– Приведу себя в порядок.

Когда Анна вернулась, оргия продолжилась с участием всех сразу. Это длилось бесконечно. Крики, стоны разносились по округе, скача эхом среди деревьев. Потом компания отправилась купаться. Худой, оказавшись в воде, быстро-быстро поплыл на середину озера, где резвился уже Станислав. Анна не умела плавать. Она осталась у берега, держась за столбики, торчащие из воды. Коротышка оказался с ней рядом, спросил разрешения вновь сблизиться с ней. Она поощрительно кивнула. Она держалась руками за столбики, чтобы оставаться на плаву, а Коротышка, обняв ее за талию, вошел в нее и забурлил водой. Анна стонала громко и счастливо.

Артем, переживая увиденное, словно находясь в тормозящем наркозе, не боясь, пошел прочь – его жена так громко плескалась с Коротышкой, что хруст веток под его ногами не могли услышать.

Он примчался на завод злее черта. Под руку попались два пьяных сварщика – с удовольствием надавал обоим по морде, измазав кулаки кровью и соплями, потом стремительно вошел в столовую, залпом выпил стакан компота. Шлюха, какая шлюха! Дрянь.

Вне себя от обиды и унижения, он отправился домой. Никого не было. Анна еще резвилась на даче, дети болтались по своим делам.

Бардаков бессильно рухнул на диван, вытянул усталые ноги. Вот он и богат, только вместо счастья и удовлетворения – жгучие боль и обида.

Зазвонил дверной звонок. Артем поднялся – если это Анна, ей конец! Оказались подружки дочери – худые соплюшки, значительно младшие по возрасту, но живущие рядом. Кира Сергеева, дочь толстого торговца – он держал отдел на городской барахолке, специализируясь только на средствах для ухода за обувью. Майра Кудашева, казашка – ее папик был вечно пьяным сантехником в домоуправлении, а мамаша, смазливая и грудастая, с утра допоздна торчала на рынке, торгуя картошкой.

– Лена? – вопросительно посмотрели на Артема девки.

Тот кивнул им, чтобы проходили.

Когда девки вошли, закрыл дверь на ключ и указал, чтобы проходили в зал.

Девчонки, озираясь, не понимали, где их подруга. Оглянувшись, они схватили друг дружку в объятия – ужас дернулся в их зрачках: Артем стоял в дверях без штанов, возбужденный, с безумным взглядом.

– Дядя Тема, вы что?! – первой опомнилась Майра.

– Тихо! – рыкнул Бардаков, надвигаясь на девок. Он гудел от возбуждения, не контролируя себя. Падение Анны терзало его мозг. Ему было все равно, что он совершает, лишь бы опустошить свое естество. – Снимайте трусы!

– А-а! – Девки взвизгнули, и обе, толкаясь, ломанулись к запертым дверям балкона. – Помогите!!!

Артем настиг их, ухватил сильными клещнями за волосы, оттащил от дверей балкона, швырнул на диван. Сопротивление его раззадорило и окончательно превратило в обезумевшего самца.

– А-а! – завyli девки, закрываясь худыми руками и дергая ногами-палками.

Они были в коротких юбках, и сейчас Артем ясно видел их трусы.

Он резко и умело сорвал трусы с обеих. Девки рыдали, давась соплями.

– Мы же девочки! У нас еще никого не было! – взвизгнула Майра. – Что вы делаете?

– Хрень все это. Заплачу!

Артем задавил своим весом, развел в стороны тонкие девичьи ноги и ритмично задвигался, сближаясь с затихшей Майрой.

Сжавшаяся в комок, дрожащая Кира, потрясенная, наблюдала за насилием, совершаемым над ее подругой отцом другой подруги.

Артем вспотел. Он ощущал, как сексуальная энергия, поработившая его разум, улетучивается. В последний момент перед оргазмом, уже соображая, он вышел из лона Майры и разрядился ей на живот.

– О-е!

Враз обессилев, он поднялся на ноги, поглядел на покорную и испуганную до иступления Майру, тут же схватил свой бумажник с журнального столика, вытащил пяти тысячную купюру. Кинул на девушку.

– Хватит? Нет?

Он вытащил и кинул еще одну пяти тысячную.

Теперь он соображал на все сто!

Ужас в глазах Майры, ее тщедушное, совсем не возбуждающее теперь тело, две пяти тысячные бумажки, тонкие ножки-палки. Что за хренотень здесь творится? Он-то хотел Анну, свою проклятую шлюху-жену, хотел овладевать ею назло ее новым молодым любовникам, доказывая свою силу и свое право на эту женщину! А сделал он вот что! Сука! Все из-за нее. Ее распутство обезумило его. Никогда он не подозревал

в себе извращенной похотливости – его возбуждало соитие жены с другими мужиками!

Артем уперся взглядом в огромные, полные ужаса, но и наполненные каким-то странным интересом глаза Киры. Прямо на ее глазах отец Лены лишил девственности Майру, она не кричала, не ощущала боли или неудобства, послушно лежала, и теперь у нее было десять тысяч рублей. Десять тысяч! За пару минут! Это же целое состояние для молодой девушки, можно закупить столько необходимой девичьей дребедени, чтобы потом выпендриваться перед подругами. Но потерять девственность... Хотя ныне кому она нужна? Все девчонки до замужества отдают свою девственность придуркам со двора совсем просто так, между поцелуйчиками и глотками пива. Глупо и пошло...

Артем понял состояние этой... Она будет такой же, как его Анна, – шлюхой.

Майра тяжело поднялась, забрала деньги и ушла из зала. В ванной зашумела вода – пошла под душ. Артем расслабился – все нормально, девка удовлетворена оплатой и поднимать кипиш не станет.

Артем ощутил новый позыв желания. Огромный заряд получил он, побывав на озере – давно такого с ним не случилось! Да еще ведь возраст подошел – бес в ребро.

– А ты? – спросил хрипло.

Кира вдруг сползла по дивану, улегшись, и развела ноги... Расплатившись, Артем еще угостил девчонок чаем. Они

были смущены. Обе сжимали в кулачках красные купюры и старались не смотреть друг на друга.

Артем позвонил на завод, говорил, а сам смотрел на них, этих молоденьких соплюх. Вот и сбылась его мечта – лишил девственности, да не одну, а сразу двух молоденьких девчонок. Эта мечта долгие годы портила ему жизнь и сразу же сбылась, как только он разбогател.

Двадцать тысяч рублей и две целки! Хо-хо. Какая дрянь. Это удовольствие не стоит таких денег – это бесценно!

Отпуская девчонок, намекнул им на возможность дальнейших отношений:

– Будем дружить.

– Угу, – буркнула Кира. Майра промолчала.

Два дня он работал, не покидая завода. Технологический цикл требовал безостановочной поставки сырья. Заказы сыпались из-за границы, опережая производство. Требовалось оснастить новые цеха.

Артем задобрил рабочих, выплатив им задолженность по зарплате, повысил оклады управленцам.

Сам он только-только начал ощущать, что становится состоятельным человеком. Большие партии фарфора были отгружены на склады его офшорных фирм – он дал указание продать фарфор, а всю выручку (всю!) обналичить и в виде наличной валюты депонировать за границей в сейфовые хранилища. Никакой Интерпол не заблокирует его счетов – их нет. Деньги будут нужны – курьерская служба пригонит

спецавтобус и заберет из хранилищ контейнеры наличности.

Бухгалтеру он велел позабыть про уплату налогов, а задачу следующей зарплаты отсрочить на месяц. Сначала он хапнет в собственный карман и почувствует деньги, а уж потом...

Звонила жена – с ней он не стал говорить.

Звонил сам Кожин, просил прислать очередной кейс, который он «случайно» позабыл у Артема. Шла глупая игра. Полный маразм. Если бы власть решила это пресечь – сидели бы все пожизненно в тот же день...

Артем позвонил на сотовый сыну, попросил приехать на завод. Сын передал, что мать требует денег: «Где хваленое богатство?!»

Артем ухмыльнулся – да, она же старалась!

Полюбовавшись на кейс, полный упаковок долларов (евро опять лихорадило!), убрал пять пачек – это плата жене. Кожин ведь развлекался, пусть сам и платит.

Когда сын приехал, хмуро посмотрел на него – он очень похож на мать, те же черты лица, тот же цвет глаз. Неужели он такой же, как она, готовый предать в любое мгновение, при первом удобном случае? Верить в это не хотелось, но он так походил на Анну...

Сын сыпал восторгами:

– Пахан, ты гений! Такой заводище! Немыслимо! Как ты его заграбастал? Сказка какая-то! Становишься Рокфеллером? А?! А меняпустишь порулить? А? Наследника!

Слово «наследник» резануло Артема по ушам. Он еще сам не ощутил прелести богатства, а сын его уже списал в утиль, уже примерил все на себя и пожелал отцу скорой кончины! О, судьба богача, твои дети молятся Богу о твоей скорой смерти!

Сыну Артем ответил скупно:

– Доучись и приходи рулить. А сейчас поедешь к Кожиным, шофер знает куда.

– Кожин – это главный мент?

– Уже не главный – его переводят с повышением. Передашь кейс – мы с ним нечаянно поменялись.

Сын взял кейс, покачал в руке.

– Ого! Тяжелый. А твой он отдаст мне?

Бардаков не нашелся что ответить.

– Понятно. Мзда, – ухмыльнулся сын.

– Антон, меньше слов. Езжай. Вон те пять пачек на столе передашь матери. Как она?

– А мне?

Артем зло выдохнул воздух.

– Поделись с матерью сам, сколько ей, сколько тебе... Так как мать?

Сын пожал плечами:

– Ездит к Роговой, у нее целыми днями. Наш дом опустел. Ты – здесь, она – на пляже Роговых. Ленка – с подругами.

– Езжай.

– Ты приедешь домой?

– Не знаю. Не сегодня.

– Понятно.

– Что понятно?

– Ничего. Просто я предоставлен сам себе.

– Гхы-гмы-ма! – рассмеялся сипло Артем, спросил сына с подковыркой: – Сам-то ты придешь домой или пробиваешь меня, чтобы девок к нам навести?

Сын смущенно пожал плечом.

Артем хмыкнул.

– Понятно. Ты уже взрослый, сынок. Соскучишься по папе, приедешь сюда... Понял?

– Понял... папа.

– Кожин ждет, еще на поезд из-за своего кейса опоздает, крику потом не оберешься...

Сын уехал.

Двое суток ничто не отрывало Артема от работы. Приезжали иностранцы, звонили из мэрии, требовали на совещания и семинары, наведывались мелкие прохиндеи, пытались заинтересовать глупыми проектами, смысл которых сводился к одному: выпросить фарфор на реализацию без залога или добиться от Артема поручительства для получения кредита в банке. С иностранцами Артем был любезен, пил кофе, говорил «плиз», подписывал выгодные торговые соглашения. Мэрию и прохиндеев посылал на хрен.

Братва, изрядно потрепанная тяжелым на руку Кожиным,

пронюхав, что Артем остался без полицейского покровительства, зачастила к заводской проходной. Но братки не учли одного – их время безвозвратно ушло, алчный Бардаков уже держал в своих руках золотonosный источник, он успел вжиться в роль хозяина, и у него появилась многочисленная и вышколенная охрана, готовая сделать для шефа все на свете (первобытные банды этим товарищам не соперник, их рвут в течение суток, если есть приказ). Артем умел быть щедрым со своими людьми!

Братки, кривляясь и гордо вышагивая (это были обычно только отсидевшие и еще живущие былыми воспоминаниями о бандитском беспределе), королями входили на территорию завода, а потом открывались высокие железные ворота, и их пустые расхристанные старые иномарки туда же вкатывали рабочие в серых халатах. Иномарки сдавали на металлолом, а братков, скрутив тут же, во дворе, убивали молотками. Трупы бросали в емкости с соляной кислотой. Теперь были другие времена, все-таки двадцать первый век!

Когда исчезли бригады Коростовского и Коли Напильника, братки поумнее решили, что «Луговский фарфор» не такой уж лакомый кусок, во всяком случае, вокруг существовало множество фирм и предприятий, которые можно было легко «загрузить» и получать отступные в значительно больших объемах и без опасения за свою шкуру. А новое начальство областной полиции, осторожно познакомившись с Артемом, на всякий случай перевело его в авторитетные пред-

приниматели. Придумали же аккуратное название для богатых и приближенных к власти бандюков – авторитетные предприниматели!

Две недели Артем делал вид, что ничего не изменилось – он жил на заводе, ел, пил, спал, иногда спаривался с «подстилками». Кира и Майра названивали ежедневно и спрашивали, когда потребуются их услуги. Если Артем хотел, он посылал за девками купленный только что внедорожник «ниссан-патруль». Кира быстро научилась всяким изощренным приемам и уже была не интересна, походила на бывалую шлюху, а Майра кривлялась и не желала делать минет, в остальном вела себя покорной овцой. Артем теперь платил им не так щедро – по паре тысяч за визит, но девки были на крючке, не спорили.

Да, Артем делал вид, что ничего не изменилось, а изменилось главное – уехал Кожин, и это значило, что пришло время избавиться от Анны. Он с самого начала решил, что убьет ее, как только исчезнет опека Кожина.

Совсем недавно Артем нанял на должность главного управляющего пронырливого молодого парня тридцати двух лет, окончившего Вашингтонский университет. Фамилия у этого вундеркинда, сына областного чиновника с Крайнего Севера, была Огурцов, звали его Игорь Константинович. Само по себе заграничное образование Артему было до балды. Были две причины. Во-первых, папа чиновник-вор, пока его не успели вычистить, отрекомендовал Артему свое чадо как

ловкого менеджера, оплатив назначение мздой в триста тысяч евро. Артем тогда подумал, что триста тысяч ему не помешают, а если сынок казнокрада начнет применять знания отца, он его всегда успеет унять, все-таки частная фирма, не государственное предприятие, где тащат все, от генерального управляющего до ночного сторожа и собак.

Итак, парень был красив, высок, умен и обладал обаянием, ему сразу хотелось верить. Плюс ко всему, высокопоставленный папа чиновник-вор – это много значит. Очень много! Почти все!

Во-вторых, этот Огурцов около года проработал замом коммерческого директора на заводе охтинского фарфора и провернул там удачные оптовые сделки, сделав хорошую прибыль, долгосрочные контракты и получив солидные премиальные.

Артем сначала не стал баловать вундеркинда. Огурцов месяц проработал замом по поставкам сырья, где проявил необычайную прыть – интригуя и комбинируя, добыл прорву сырья по бросовой цене, удешевив производство.

Убедившись, что завод продолжает работать под руководством Огурцова в прежнем режиме (рабочие почувствовали обратное – в столовой сократили паек, зарплату задолжали за два месяца), Бардаков направил свою энергию на устранение возникшего противоречия в своей новой богатой жизни. Он хотел разбогатеть ради семьи, но семьи не стало, как только он добился желаемого. А виной всему внезапно

проявившаяся распутность Анны! Если устранить Анну, все вернется в прежнюю колею – у него вновь появится мир в доме, любовь детей и спокойствие в душе.

Следить за супругой, чтобы не опозориться, не доверил никому – следил сам. Он еще не знал, как убьет Анну, но действовать в данном случае требовалось аккуратно – это не бандитов молотками глушить, тут, в случае явного убийства, главным подозреваемым станет он сам – муж. Требовался несчастный случай. Но какой?

Анна довольно близко сошлась с супругой пляжного короля города Рогова – этот тип, имея родственников в городской архитектуре и Сбербанке, получил участки прибрежной полосы на местной реке, на льготный кредит насыпал пляжи песком, расчистил и оградил территорию и стал взимать плату.

Лето стояло жаркое, и все три оборудованных пляжа были переполнены.

Специально для крутых Рогов организовал суперпляж – с белым морским песком. Его жена – тридцатипятилетняя фигуристая блондинка, коротко стриженная и низенькая, поволжская немка по национальности – Нора, большую часть времени проводила лежа на пляжном лежаке. Ее обслуживала личная челядь – две девки-массажистки, инструктор – бывшая пловчиха, чемпионка Европы, две официантки и ви-зажистка. Когда Рогова отдыхала на своем пляже, туда не пускали никого... кроме Анны.

Артем поражался, как можно целыми днями празднично валяться на солнцепеке? За Анной не водилось такого пристрастия к купанию и загару. Но за ней и похотливости все эти годы замечено не было! И эта пляжная жизнь навела Бардакова на мысль, что его супруге суждено днями утонуть – такое устроить проще простого. Только бы погода не подкачала!

Решив, как она умрет, Артем испытал некоторое облегчение, словно палач, пребывавший в нерешительности, как проявить свое «искусство» в самый важный момент. Поняв это, он испытал радостное расслабление. И тут же проявилось деятельное движение: отправил двух парней в ближайший мегаполис за аквалангами и водолазным оборудованием – в городе покупать эти штуки не хотелось, ибо только одна фирма торговала такой фигней, да и то между делом, и не могла уже год продать единственный акваланг и подводное ружье с гарпуном. У новой полиции могли возникнуть ненужные ассоциации: утонула жена Бардакова, а перед этим купили акваланг в магазине «Олимп», а до этого целый год не покупали. Требовалось предусмотреть все, до мельчайших деталей.

Итак, парни укатили на поезде в мегаполис покупать наборы «юных дайверов», а сам Артем, перебравшись на другую сторону реки, поросшую тополиным лесом, устроил пункт слежения. Река была широкая, около километра, и он взял с собой оптический прицел от любимого карабина «Русь» по-

следней модели. Дорога удачно выходила прямо к берегу. Он приезжал сюда на своем «патруле» и, сидя в салоне, смотрел в прицел на отдых супруги.

Первые же наблюдения подтвердили самые худшие предположения. Пляж был пуст. Анна плескалась на мелководе. А Нора (кому еще быть?) лежала обнаженная прямо на песке, разведя великолепные ноги в стороны, и ее пялил, потея, противный Коротышка!

Тот самый, что барабанил Анну в бане Кожиных! Вот почему ей так стал нравиться отдых на песочке! Ах, шлюха! И Нору совратила! Артем уже был уверен, что это Анна притащила на пляж Коротышку. Конечно, у этого карлика слоновий член. И яйца огромные. Парню, естественно, тяжело приходится ходить с такими тяжеленными яйцами.

Крестик прицела ползал по заднице Коротышки. Рука Артема подрагивала. Было бы в руках ружье, не выдержал, надавил бы на курок.

Убрав окуляр от глаз и успокоившись, Артем вновь продолжил смотреть. Как же хороша эта Нора! Вообще, немки необычайно чувственны, красивы и сластолюбивы, для русских мужчин это самая лучшая отрада! Она всегда держит в доме порядок, а все авантюры мужа обычно сама и начинает, но ведет дело так, что все, и муж, и дети, и соседи, и она сама, считают мужа самым главным в их ухоженном и сытом мире.

Артем тут же подумал, что русскому мужчине иметь же-

ну-еврейку тоже полное счастье – все то же самое: любовь, уважение, дети-красавцы, все его самодурства принимаются с полной покорностью, только иногда наезжает родня, тоже с полной покорностью, и ты уже весь в деньгах и должностях, которые тебе не нужны. Тут надо иметь особый, сильный характер.

Да, Рогов – рогач! Вон как Норе нравится соитие с Коротышкой, как она округлила рот, стена и охая! Рогов – рогач на всю катушку! Фамилия даже подходящая: Рогов – рогач! Коротко и ясно.

Артем порадовался, что в руке только прицел, а не ружье, но пожалел, что это не видеокамера, такую сцену запечатлеть было бы очень кстати, мало ли, что на уме у Рогова! Видно, что при поддержке властных родственников он идет в гору, и в будущем дорожки Рогова и Артема обязательно пересекутся. Так бы имел видеозапись для возможного шантажа или бы просто разместил видеоролик на YouTube, чтобы уничтожить, опозорить на весь земной шар. И тут же стало жалко этого идиота Рогова.

Вон, значит, как, они (Артем и Рогов) не спят, не едят вдоволь, в туалет лишний раз боятся отлучиться, терпят до последнего – деньги делают, а жены вместо благодарности и верности трахаются с карликами!

Как вот с этим бороться?!

Вернувшаяся из воды Анна сразу же жадно припала к члену Коротышки, который был совершенно серьезен и давал

ей какие-то указания!

Ну что после этого делать?!

Артем, наблюдая за жадным минетом, со злостью, не замечая, что говорит вслух, твердил:

– Корми ее, корми. Может, подавится.

Артем поотчетливее навел резкость. Он читал в одном кулинарном журнале, что употребление перед соитием грецких орехов вызывает выделение во время оргазма огромного количества спермы, и она получается первосортная – густая, пряная, чисто белого цвета. Карлик, видимо, сожрал этих орехов не меньше килограмма – вылил Анне в пасть чуть не майонезную банку белого соуса. Гаденыш.

Коротышка блаженно жмурился, а обе шлюхи – Нора и Анна, торопясь, на пару делали ему успокаивающий массаж, глядя живот и бедра.

Да, такого удовольствия он, Артем Бардаков, никогда не испытывал. И собой не дурен и теперь богат, а этот карлик, ничтожество, палец о палец не ударив... Он поплатится за все! За все!

Парни вернулись с аквалангами через сутки. Артем выждал еще день – давили тучи, и мог в любую секунду сорваться тяжелый мощный ливень. Карлик, Нора и Анна, словно чувствуя свою обреченность, превзошли в следующий день сами себя. Артем велел себе во имя своих детей забыть то, что вытворяла их мать с Коротышкой и с Норой...

На другой день была хорошая погода...

Анна утонула.

Аквалангисты, когда она зашла в воду по грудь, рванули ее на глубину и держали, пока бедная женщина не захлебнулась. Через два часа после трагедии Артем велел удавить аквалангистов и растворить трупы в кислоте – палачи-охранники исполнили приказ быстро и не задумываясь...

Были похороны, слезы детей, тяжелая гнетущая обстановка в квартире (теперь Артем приезжал ночевать домой). Расследовать несчастный случай никто не собирался...

Так Артем Бардаков стал вдовцом...

Его архаровцы выследили и похитили урода-Коротышку. Его держали в подвале на недавно купленной Артемом лесной даче – для расправы над ним ему требовался особый настрой, и он ждал, как это делают палачи, предварительно объяснив карлику, что он умрет и за что...

Шли дни. Огурцов прекрасно управлял заводом, набивая карманы Бардакова звонкой монетой. Прекрасные экономические показатели завода не раз уже отмечались в экономических обзорах не только местных теленовостей, но по телеканалам ББК и «Экономист». Владельца завода Артема Петровича Бардакова официально пригласили в Петербург на экономический форум, где были не только подобные ему удачливые «предприниматели», но и политические деятели, и зарубежные экономисты.

Там-то Артем быстро и близко сошелся с Самуилом Боголовым, пожилым миллионером. Даже не миллионером – Артем сам был таковым, а «мультиком» – мультимиллионером, обладателем хрен знает скольких миллионов долларов или евро. Самуил носил еврейское имя, внешность имел стопроцентного бурята, но себя отрекомендовал русским. Но пояснил: бурятский бизнесмен.

В общем, дядька был веселый, общительный, и они с Артемом сошлись на короткой ноге, много вместе пьянствовали вечерами, после заседаний форума...

«Вот и я человек элиты», – подумалось Артему, когда ему сообщили, что он введен в управленческий госрезерв – список выдающихся людей, которых в любой момент Кремль может позвать во власть.

«Вот так-то, сука!» Ради такого не только можно убить жену – Артем убьет любого!

Артем, вернувшись с форума на завод, с благодарностью взглянул на Огурцова – этот мальчишка своим неутомимым рвением приподнял его очень быстро. Такого требовалось держать рядом, на коротком поводке, как прежде планировали держать его, Артема, местные братки. Классические приемы в бизнесе неизменны, потому-то книга Адама Смита, главного учителя капиталистического строя, востребована во все времена! И Артем не скупился, вознаграждая работу своего гения-управляющего – пятьдесят тысяч в евро плюс

премиальные, служебное авто и квартира в центре. У рабочих, правда, были постоянные перебои с малой зарплатой, ну да пошли они куда подальше, пусть бы и тростник жрали с глиной – всегда ведь так было! А план, как в СССР, – дело святое. Только тогда работяги прибыль себе делали и государству, а теперь только ему, великому Бардакову, которому теперь Россия была по боку – только бы побольше выкачать деньжищ и успеть сбежать в Европу толстосумом. У Артема теперь были великие планы! Он поднимется о-го-го! Он тоже купит себе замок во Франции, какой-нибудь футбольный клуб и большую яхту... Как все порядочные «мультики». Про миллиард долларов Артем не думал – это перебор. Эти монстры не остаются на плаву долго. Вспомните одного, который громко заявлял, что презирает всех, у кого состояние меньше миллиарда долларов. И где он? Нищий в казематах... Про того, который, сначала работая в банке, вымогал взятки и давал указания убивать всех непонравившихся, который отсидел десять лет и был отпущен по амнистии, тоже нищий и опозоренный, вспоминать не хотелось. Много их отгремело и кануло в небытие. Он, Артем Бардаков, не разделит их судьбы. Он будет драться до конца! А потребует, как мальчиш-плохиш, родину продаст за преуспевание в Европе или Штатах, только бы его приняли в семью богатеев-космополитов! Он уже понял, что для него Россия – ничто, ОН – великая личность, которая может наплевать на родину и вскормившую его нацию, ограбить свою страну

и свой народ и, опираясь на эти капиталы, попытаться влезть в маленькую группку богатых подонков, называющих себя мировой элитой...

«Прямо как Троцкий!» – подумалось Артему. Тот тоже считал русский народ хворостом, который не следует жалеть, чтобы разжечь пожар мировой революции.

«Вот только кончать как он я не собираюсь! Моя судьба будет счастливой!» Артем верил в Судьбу, и она ему благоволила.

Жизнь Коротышки оборвалась в один из дней дождливого октября.

Артем полным хозяином (походкой враскоряку) гулял по территории завода, заглядывал в цеха, многочисленные помещения, холодные и теплые склады.

В одном из больших складов он увидел молодую кладовщицу, явно замужнюю и детную, с волнующей полной грудью и широкими бедрами. Он без слов схватил ее в объятия, стал целовать. Женщина онемела, вдруг поняла, кто это. В ней оказалась неимоверная сила – она оттолкнула от себя Бардакова и бросилась бежать.

Он настиг ее у самых дверей склада, поймал за руку, рывком развернул к себе и тут же получил сочную оплеуху – в ее глазах светилась ненависть и яростная решимость отстаивать свою честь до конца.

В ответ Бардаков сбоку заехал ей ладонью в ухо и завалил

на пол.

Он подошел к ней, ухватил за волосы, расстегнул ширинку своих дорогих брюк, вывалил упругий, пульсирующий желанием член и потянул кладовщицу за волосы вверх, намереваясь всунуть ей в рот и принудить к минуте. И вдруг задохнулся. Боль, такая страшная, оглушающая, что уши заложило, а комок воздуха грозил взорвать легкие изнутри, вихрем пронзила его – женщина двинула его кулаком в промежность.

«Неужели покалечила?» – хватая ртом воздух от боли, подумал Артем, корчась на пыльном полу склада, слушая, как убегает кладовщица...

Он кряхтел минут пять, согнувшись в комок на бетонном полу. Придя в себя, вытерев слезы, разрываемый злостью (почему другим все, а ему ничего?!), вышел к проходной, рыкнул на шофера за нерасторопность и велел ехать на дачу – он отомстит за себя, отомстит всем и сразу, он лично казнит карлика!

По дороге, проезжая мимо конторы Рогова, красивого здания из темного стекла и красного кирпича, велел шоферу притормозить, вышел, огляделся – камер слежения видно не было, достал из кармана брюк заранее припасенный мелок и, быстро подойдя к забору из бетонных плит напротив ненавистного офиса, написал большими печатными буквами: «РОГОВ – РОГАЧ!»

Шофер, вышедший из машины, радостно заржал.

Это возмутило Артема – что, это быдло считает себя равным ему, великому заводчику?!

Злой Артем врезал ему кулаком в лицо, но не сильно, чтобы мог вести машину.

Мужик затих, всю дорогу скованно смотрел вперед, то и дело, как робот, переключая скорости.

– Толик, не обижайся на меня, – прорычал Артем. – За дело получил. Умей держать себя в руках! Всегда! В любой ситуации!

– Понял, Артем Петрович, – произнес шофер спокойно. Обиды вроде не чувствовалось.

«Все равно при случае надо поменять урод», – подумал Артем.

Прибыв на дачу, разъяренный неудачей с кладовщицей и сочно представляя, как окучивал Анну гадкий карлик, Бардаков велел вывести из подвала Коротышку, раздеть донага и привязать к сосне.

Артем внимательно оглядел своего ничтожного, голого и отвратительного соперника. Тот выл сквозь кляп, глубоко забитый ему в поганый рот, но глаза пучились ненавистью. Ишь ты, ненавидел его, Артема, опозоренного мужа, считал себя правым во всем! Ну уж нет, маленькая мразь! Как учил Ветхий Завет: око за око! Напакостил – получи! Прими наказание...

Похоронив Анну, Артем, к своему неудовольствию, ощутил неодолимую тоску по ней. Получалось, что он все-та-

ки любил ее, любил по-настоящему глубоким светлым чувством, а эта маленькая срань все испоганила своим гигантским членом.

Давясь обидой, Бардаков стал прицельно бить Коротышку крепко сжатым кулаком в губы и нос, мощными ударами превратив ненавистное лицо в месиво. Коротышка потерял сознание, свесил голову.

Артем потребовал нож и ловко, ухватив рукой член и яйца Коротышки, отсек их, замаравшись в крови.

Пронзительный крик многократным эхом запрыгал между соснами.

Мощным ударом Бардаков вогнал нож по самую рукоять в печень парня. Тот обрыгался кровью и умер. Архаровцы послушно убрали труп. Артем каждому дал по тысяче евро на выпивку и разрешил привезти на дачу шлюх.

* * *

Усталость и ощущение утраты гнетущим камнем сдавили душу – он отделался от Анны окончательно... Захотелось выпить.

Приехав в свою городскую квартиру, вместо детей нашел записку на обеденном столе в зале – дочь гуляла с девчонками из института на вечеринке, сын уехал на рыбалку.

Бардаков выпил стакан водки. Вот тебе и мир в семье, любящие дети, теплота, уют – один в пустой квартире! Дочь

танцует в ночном клубе (хотелось в это верить!), ну а сын явно отправился на ловлю двадцатилетних щук с золотыми зубами, которых приятно пожарить, а после отпустить...

Он пил и думал. О детях и об Анне и совсем не вспоминал о казненном Коротышке.

Вспоминая Анну, он подумал о неудаче с кладовщицей и понял, что сексуальное желание к той замужней молодой женщине не утихло после убийства карлика. Даже изрядная порция адреналина после расправы над ним не смогла погасить потребности сексуально опустошиться.

Артем позвонил Майре и велел ей немедленно прийти.

Встретив ее, проводил в зал, предложил выпить (почти приказал). Она отказалась. Он снял с себя брюки и трусы. Ну и где волнующая сексуальность? Мерзость одна, больше ничего.

От этой мысли Артем ожесточился – не может он ничего сделать красиво, даже молодой женщиной овладеть в экстазе, говоря красивые слова, лаская, принося ей радость...

Увидев его готовность к близости, Майра начала снимать трусы, но Артем мрачно качнул головой:

– Минет.

– Вы знаете – я этого не делаю.

– Почему?

Она пожала плечами.

– Начинай!

– Я не умею.

– Учись.

– Нет, я не буду.

Майра попыталась сесть на диван, продолжая снимать с себя черные кружевные трусы. Вмиг рассвирепев, Бардаков что есть силы врезал ей ладонью по губам и в нос, другой раз, третий! Она взвизгнула, потом заорала благим матом. А он бил и бил, измазав ладонь кровью и соплями. Он изрыгал страшные ругательства и бил, бил, войдя в экстаз, не владея собой и своим разумом, потом схватил ее за короткие черные волосы, притянул к своему уже холодному бесчувственному члену, рыдающую, подрагивающую на костлявых коленях, толкнул в голову... И – о наслаждение!

А она это делала и горько рыдала...

Завершив, он оттолкнул ее, ушел к журнальному столику, залпом выпил налитую для нее рюмку водки.

Умывшись и одевшись, Майра сказала бесцветным голосом:

– Я больше не приду, – и ушла, не попросив денег.

Пьяный Бардаков уснул на диване, как был, без трусов...

...Толчок на ухабе вернул Артема к реальности из воспоминаний о прошлом – «лайнер» слетел с ровного покрытия асфальтированного шоссе и, подрагивая, пылил по гравийке к заводским воротам.

Расторопная охрана растворила высокие железные полотна ворот. «Мерседес», не сбавляя скорости, выскочив с грун-

та на бетон, влетел на заводскую территорию. Бардаков сердито засопел – что это он в воспоминания ударился? Неужели всему виной паршивая запись на диске?..

Новый «мерседес» встал у желтого здания заводоуправления. Его уже ждал перед входом задумчивый сын Антон. Бардаков, сердито зыркнув на сына сквозь тонированное стекло, толкнул дверцу. Давно уже закон запрещал тонировку стекол, но ему закон не указ – он, великий Бардаков, выше закона, как вся так называемая элита.

Выйдя из машины, Артем поправил галстук и пиджак, хлопнул сына по спине, выражая этим жестом доверие и вопрос, увлекая к дверям, спросил вслух:

– Что они?

– Бузят.

– Где Игорь? – спросил об Огурцове.

– Пытается урезонить.

– Пойдем к ним. Сам поговорю.

Рабочие мрачной толпой стояли у задних дверей управления, слушая сбивчивые объяснения молодого управляющего, жалкого, испуганного, стоявшего перед ними на крыльце.

Появление Бардакова испугало рабочих. Они уперли взгляды в бетон отмостки.

Бардаков, улыбаясь ядовитой улыбкой, зычно крикнул:

– В честь чего устроили маскарад? Работать надоело? Устали, вашу мать, так раз так!

– Зарплаты опять нет! – вскрикнул жалкий паренек из-

за спин более пожилых мастеров. – Президент сказал, что накажет за невыплату... Сейчас есть закон!

– Что?! Закон, вашу мать?! – тут же вскипел Бардаков яростью, как он умел, глядя на рабочих. – Я – ваш закон! Вы все от меня зависите! А президент, он для меня президент, а не для тебя... Сейчас назову обидным словом, вскинешься, убью кулаком! Он мой президент, а не ваш... Рот закрыть, жрать землю и меня слушаться, вот так теперь! Ты денег захотел? А ты научись сначала работать! Ты еще ни хрена не умеешь, а деньги требуешь! Есть работа – работай! Что еще надо?

– Денег совсем нет, Артем Петрович, – льстиво пропел изрытый морщинами мужик лет пятидесяти.

– Да ну на хрен! Витек! Какие тебе деньги? Ты же бухарь! Тебе дай денег, ты в запой уйдешь на неделю!

Рабочие вокруг маленького Витька заулыбались. Бардаков уловил перелом в настроении работяг. Он понял, что опять сломает их и заставит работать на голодное брюхо. Прошли те времена, когда он платил им зарплату, пусть с небольшой задержкой. Теперь он кормил обещаниями да выдавал под запись продукты по спекулятивной цене – за годы владения заводом он научился извлекать прибыль из всего, а обман многочисленных работяг делал и без того малую себестоимость фарфора совсем дармовой. А закон об ответственности за неуплату зарплаты – чхал он на него и не собирался утираться. Применить к нему никто этот закон в обла-

сти не посмел бы: начальство такие же воры. А и применили бы? По сравнению с его выгодой смехотворные штрафы он бы заплатил с насмешкой над своими работягами – не им же даже эти крохи обломались бы. Хитрый и умный этот строй нового процветания! Смотрите и облизывайтесь!

– Были деньги! Были! – заорал снова Артем, высоко подняв руку, сосредотачивая их внимание. – Были, но теперь их нет!.. Или вы хотите, чтобы вас считали чмошниками?! Ваш завод считали дерьмом?! А если завод дерьмо, его владелец дерьмо, то вы все дерьмо! Все! Вы дерьмо?! Нет, вы ответьте!

– Нет! Нет, не дерьмо, – вяло отзывались рабочие.

– И я так думаю. Потому купил на вашу зарплату новейший «мерседес». Пусть видят и знают: «Луговский фарфор» – фирма что надо! А? Правильно? Или нет?

Работяги сопели, зыряка исподлобья.

– Нет? А?! – давил на них Бардаков, уверенный в своей силе и власти над этими жалкими простолюдинами, рабочими жуками, которым лишь бы не думать, пусть получать крохи, жрать только хлеб, но не думать, работать и ждать подачки от господина.

– Да... да... – слышались глухие возгласы.

– Вот так. Можете посмотреть, там стоит, у парадного крыльца. Не машина – лайнер! И это – лицо нашего завода! Нашего! Нашего с вами!

– Артем Петрович, а семью чем кормить? – спросил один из пожилых рабочих.

Бардаков собирался уходить – эту проблему он уже решил: сейчас они, бурча и ругаясь про себя, послушно вернутся на рабочие места. Он посмотрел на Васильева – старых рабочих знал всех лично, – скривился:

– Иваныч, да ну на хрен... – и ушел внутрь здания.

Огурцов следовал за ним, заглядывая в глаза. Сын плелся сзади.

Бардаков в первую очередь хотел переговорить именно с Игорем – так сложилось, что по прошествии нескольких лет он стал более близким ему, ближе сына.

Войдя в просторную приемную, не глянув на секретаршу, Бардаков сказал управляющему:

– Игорь, зайди сейчас. – А сына предостерег: – Антон, ты посиди, – указал взглядом на ряд кресел, и сын остался в приемной.

Бардаков с Огурцовым скрылись за обитой черной кожей дверью кабинета главного управляющего...

Антон прищурил глаза в ухмылке – о чем это они собрались секретничать? Без него!

Он уселся в глубокое кожаное кресло (каждое по пятьдесят тысяч! Лучше бы рабочим выплатил задолженность! Непонятная игра отца с законом и с судьбой Антона бесила – он ее не понимал!), жестом указал секретарше, сидевшей за своим компьютером, чтобы подала ему чашку кофе.

Закинув ногу на ногу, он взял кофе, отпил глоток.

Что бы там ни говорил сейчас Огурцов, Антон узнает все до последнего слова. А он должен знать, что делает этот выродок и что собирается делать его отец, ибо также ненавидел его всеми силами своей молодой души.

Ненависть проснулась недавно – года полтора назад. Она родилась не из пустоты, отец сам помог ему себя возненавидеть.

Все началось с женитьбы Антона на Алисе Франк, немке, светловолосой красивой девушке из семьи почтового служащего. Алиса имела высшее образование, такое же, как Антон, – в институте они учились вместе, хотя до знакомства не подозревали об этом.

Нелепая смерть матери, шок, вызванный одновременно двумя стрессами – богатством отца и ее гибелью, – опустошили Антона. Она утонула, купаясь на частном пляже Рогова. Дома было гадко. Отец после похорон полностью переселился на завод, Огурцов (новый управляющий) заменил ему семью – они вместе работали, ели и спали в соседних кабинетах. Антон старался чем-нибудь себя занять. Сестра Лена была предоставлена сама себе – он ее почти не видел, у них были разные жизненные ритмы.

Отец купил Антону новую иномарку и велел учиться в институте на совесть: «Принесешь мне диплом – займешь место Огурцова. Мне нужен грамотный наследник, который потянет дело вместе со мной!» Антон был согласен.

В то время он как никогда тепло относился к отцу – для

отца утрата жены была страшным ударом. Смерть матери сломала их налаженную жизнь. Хотя часто Антон приходил к выводу, что тепло в доме растаяло еще раньше. Когда? С началом битвы отца за завод?

Институт и занятия греблей заполняли день, вечера он проводил как все молодые люди – с компанией ходил на вечеринки, дискотеки и в клубы. Частенько эти походы оканчивались у кого-нибудь на квартире, где не было родителей, и парни «ласкали» своих подружек по курсу. Антон встречался с Катей Петровой, они учились вместе в одной группе, чувствовали симпатию друг к другу, которая после нескольких месяцев невинных ухаживаний плавно перешла в фазу сексуальных отношений.

В тот вечер, запомнившийся на всю жизнь, Антон с Катей и два его приятеля, Кашин Валерка и Юрка Ким, завернули в одну из многочисленных кафешек в центре города, где бушевала музыка, бесновались цветные прожекторы и подавали легкое спиртное. Когда они вошли в темноту зала, их кто-то позвал. Антон увидел двух парней, ему не знакомых, и двух девушек, они сидели за столиком, полупустые стаканы коктейлей неряшливо сбились в центре. Он сразу обратил внимание на одну из девушек, ее глаза, губы, короткие волосы – все сразу взволновало его.

Юрка Ким всех перезнакомил. Парней звали Саша и Толик, а девушек – Вика и Алиса. Ту, которая ему понравилась, звали Алиса. Они решили сидеть все вместе – придви-

нули еще два столика. Было тесно, но весело. Основатель-но подвыпив, компания устроила бурные танцы. Антону удалось перекинуться несколькими фразами с Алисой. Ему показалось, что он ей тоже симпатичен.

Саша и Толик со своими подругами собрались уходить часов в одиннадцать, чтобы продолжить веселье в комнате общежития, где жили парни. Они звали новых знакомых. Влекомый взглядом Алисы, Антон уговорил Катю пойти с ними.

– Здесь можно гудеть до утра, всем бары-бер. Мы уже не раз здесь отрывались, – заверили парни.

Комната, где жили парни, была небольшая. Из мебели три железные кровати и большой обеденный стол.

Первым делом все основательно выпили энергетическо-го алкогольного тоника, потом выключили свет и под тихую медленную музыку танцевали парами. Антон сжимал в объ-ятиях Катю, но думал об Алисе. Какие отношения ее связы-вали с Сашей? Может, она его любила и у них все серьезно?

Медленные танцы завершились расползанием по кроват-ям. Парочки в темноте шептались и ворковали, и скоро Ан-тон услышал, что на соседних кроватях всю постанывают и скрипят. Антон удивился такой открытости, но мысль о том, что рядом Алиса и она в данное мгновение занимается сек-сом, ужасно возбудила его. Он стянул трусы с покорной Кати и тоже заскрипел кроватью. Бурно кончив, соскочил, поша-рив в темноте по столу, нашел бутылку с напитком, утолил жажду.

Рядом оказался Толик:

– Отольем?

– Можно.

– Туалет в конце коридора.

Они вышли из темноты комнаты в освещенный коридор.

Антон ощутил, что очень пьян. Его это развеселило. Туалет был мерзким, загаженным, стены исписаны скабресными фразами и вымазаны дрянью. Толик быстренько разрядился у писсуара. Антон удалился в кабинку – у него после выпивки здорово подводило живот. Просидев минут десять, он вышел облегченным. Фу. Здорово же он напился.

Двигаясь в обратном направлении, он удивленно обнаружил, как много дверей в коридоре. Он дергал все по очереди, пока не вошел в знакомую, пахнущую перегаром темноту.

Две девушки постанывали. Парни работали вовсю. Подойдя к своей кровати, он недоуменно замер: его место было занято – Толик яростно пользовал стонущую Катю.

Заметив Антона, он отозвался:

– Конвейер. Найди, кто свободен.

Антон отошел к столу, залпом выпил тоника из алюминиевой банки. Его девушку трахает другой парень, и ей это приятно. Шлюха. Дрянь. Но его ждет другая. Эта мысль тут же вытеснила обиду и обрадовала Антона. Он пошел к кровати, которая не скрипела.

Антон погладил девушку по ноге, нашел влажные волосы на лобке. Кто это, Вика или Алиса? Не размышляя, он взо-

брался на нее. Она с готовностью приняла его. Это была вторая женщина в жизни Антона. Он с жадностью овладел ею. В конце он поцеловал ее сухие губы. Вика. Пьяная, дышащая перегаром и смрадом дешевых сигарет. Такая же шлюха, как Катя. Только Алиса не меняла партнера.

Антон заметил, что соседние кровати опустели.

– Эй, сексуальные маньяки, пойдем выпьем!

Антон с Викой присоединились. Когда он выпил тоника, вдруг ощутил, что рука Кати обвила его талию.

– Ну как тебе?

– Ничего, – хрипло отозвался Антон. Неужели она думает, что их отношения дальше будут продолжаться по-старому?!

– Мне тоже ничего.

– Конвейер! – хлопнул в ладоши Толик. – Саша идет к Кате, я – к Алисе. Ты, брат, опять с Викторией.

– Я только что был с ней, – сердито засопел Антон. Ему не понравилось, что эти гады решили драть его подружку по очереди, всучив ему шлюху Вику.

– Хорошо, – улыбнулся Толик. – Ты – с Алисой, я – с Викторией. После тебя я буду с Алисой. Чтобы никому не было обидно.

Алиса уже лежала с раздвинутыми ногами, распаренная, абсолютно равнодушная, кто будет близок с ней, принося наслаждение, – она была в стельку пьяна. Антон влез на нее, переживая бурю эмоций – у него близость с такой великолепной девушкой, самой красивейшей девушкой Галактики!

Что там Катя – ради этих минут Антон отдал ее другим самцам на потеху, совсем не жалея о такой потере. Как назло, после соитий с Катей и Викой Антон, уже тоже очень пьяный, никак не мог излиться в лоно Алисы, хотя жаждал этого всем своим существом – это будет высшим блаженством для него! Но ничего не получалось – член был ватным, и Антон его почти не ощущал. Злая ярость стала наполнять сознание Антона – он обязан оставить свое ДНК в этом прибежище греха, внутри этой нифмы, без проблем отдающей свое тело разным самцам для пьяной потехи!

Эта злость возбудила его и позволила излиться! С неудовольствием Антон ощутил, что сока любви было совсем мало, какой-то мизерный брызг. Не надо было столько пить алкоголя в последний раз – сознание стремилось свернуться в клубок и провалиться в темноту сна. Он тряхнул головой, обессиленный совсем сполз с Алисы. Мстительная мысль заставила сделать это – он встал, нагнулся к ее лицу и тыкнул вялым членом в ее губы. Алиса покорно заглотила член. В ее умелом рту член отвердел и был готов к новым подвигам. Но Антон не торопился к новой близости – пусть потрудится так.

И тут кто-то резво прыгнул на кровать.

Кровать прогнулась, скрипнула. Антон очнулся. Руки Толика уже мяли груди Алисы, он всю ее обладал. Она застонала, продолжая сосать член Антона.

Антон задохнулся яростью! Злясь, выдернул член, поца-

рапавшись о зубы Алисы, вернулся к Вике и жадно, со злостью сблизился с ней, испытав бурный экстаз и совсем истощив себя...

Утром он проснулся с головной болью. Ныли ссадины на члене от зубов Алисы... Кроме Саши, никого в комнате не было. Тот, свежий и довольный, сидел за столом, попивая горячий чай из яркой в красный горошек чашки.

– Доброе утро! – улыбнулся он. – Как ты?

– Паршиво. Все ушли?

– У всех дела.

– А ты?

– У меня есть еще три часа. Умывайся и садись пить крепкий чай. Он тебя быстро в норму приведет. А если хочешь, можешь похмелиться – тоника нет, а водка осталась.

– Не хочу.

– Алиса оставила тебе свой номер телефона. Понравилось, как ты ее барабанил... Слышь, а твоя Катя тоже ничего – здорово подмахивает!

За такие откровения следовало бы порвать подонка. Но Антон с удовольствием подумал, что душу его не затронула вчерашняя оргия и Катя ему абсолютно безразлична, он был близок с ней все это время лишь потому, что молодой организм требовал секса, и на ее месте была бы любая, какая подвернулась в определенный момент.

– Она не моя. Можешь замутить с ней, если так понравилась.

Вечером они встретились – Антон повел Алису в кино. Очень старомодно и романтично.

В темном полупустом кинозале она сделала ему минет.

Явная шлюха. Но она понравилась ему еще больше.

– У тебя было много мужчин? – спросил он.

– Двое.

– Вчера было трое, считая меня.

– Я была пьяна... Очень, свински... Я видела только тебя.

Я была только с тобой! Ощущала только тебя. Вся эта близость... Были только ты и я...

После этого свидания их встречи стали постоянными. Антон открыл для себя Алису уже не как женщину (как самку), а как человека. Она была интересна, начитанна, была остроумным, веселым собеседником. Антон отчаянно влюбился.

– А как я без ума от тебя, зайка! – твердила ему Алиса.

Их связь уже не удовлетворяла Антона. Она была самым родным человеком для него, он бы умер, не задумываясь, в страшные минуты испытания, только бы ей сохранить жизнь. Она стала ему необходима, как воздух, вода, сон и пища. Он грезил, что сделает Алису, элегантную и эмансипированную, своей женой и они счастливо заживут простой, радостной жизнью в прекрасной четырехкомнатной квартире, купленной ему отцом. Будет сплошное счастье обладания друг другом в сытом, вольном, богатом мире!

Он сделал официальное предложение и получил согласие. Свадьбу решили отпраздновать после сдачи госэкзаменов,

защиты дипломов и фуршета в честь обретения высшего образования.

Переполненный счастьем, Антон приехал к отцу на завод – тот сидел в своем кабинете на диване, перед маленьким столиком, с початой бутылкой коньяка, читал деловую прессу, предоставив решать вопросы управляющему Огурцову.

– Сынок! – Отец картинно отбросил газету в сторону, вскочил, заключил Антона в объятия.

Антон сурово отстранился – напился, урод! (Антон ненавидел отца пьяным – остались неприятные, шокирующие, яркие воспоминания из раннего детства, когда пьяный отец орал на мать, вспоминая какого-то ее лейтенанта, даже распускал руки. Эти картины скандалов сильно давили на психику Антона.)

– Здравствуй, папа.

– Садись... Коньяк? Чай, кофе? Очень рад тебя видеть!

– Опять пьешь!

– Все из-за матери.

– Перестань. Это для тебя стало обычным оправданием.

Ты подсел на алкоголь!

– Антоша, в моем возрасте мужчины подсаживаются на алкоголь, ты прав. Алкоголь – страшная, могучая сила, которой тяжело противостоять или невозможно... – Посмотрев на Антона, Бардаков-старший потеплел, жалко попросил: – У тебя вся жизнь впереди, для тебя алкоголь – враг, а моя жизнь кончена... Прости отца своего – я стал искать забве-

ния в дурмане.

– Как ты выражаешься цветисто. Впрочем, это твои дела. Не дело сыну учить отца!

– Во! Правильно!

Бардаков, погрозив кому-то пальцем, тут же налил себе новую порцию коньяка в бокал темного стекла, искоса глянул на Антона, выпил и снова воззрился на него, уже расточая внимательную улыбку.

Никогда Антон не любил такой улыбки отца – приторно показной, при его полном равнодушии к нему в последнее время.

– Так вот... – начал Антон.

– Чай или кофе?

– Кофе. Отец, есть разговор.

– Я понял. Решил что-то прикупить?

Антон взъярился – отец думал, что, кроме денег, ничто не могло привлечь Антона в его общество, хотя так и было. Он тут же остыл, отрицательно покачал головой, чем сильно озадачил отца – тот соорудил глупую мину, но, попросив указательным пальцем паузу, снова налил себе коньяка, выпил, потом стремительно встал (это удивило Антона – пьяные не такие энергичные!), прошел к своему столу, нажал кнопку селектора:

– Оксана, два кофе. Покрепче!

Вернувшись, он сел напротив, сложил руки на животе. Беззаботный, спокойный, трезвый. Антон всегда поражался

его умению гасить в себе алкогольное опьянение в нужные ему моменты.

– Что у тебя? Узнавал у ректора – ты сдал все экзамены на «отлично». Прекрасная работа! Теперь только защитить диплом, и ты...

Вошла секретарша. Тридцатилетняя приятная женщина. Ею отец заменил прежнюю старуху. Антон сначала подумал, что отец приблизил ее к себе, чтобы она удовлетворяла его как мужчину, но тот, заметив его странную ухмылку в первый день после замены секретарши, ясно пояснил, что старуха была верной фурией прежнего директора Еремеева. А насчет Оксаны... Она профессионал в своем деле, любит мужа, у нее двое детей – девочка и мальчик. Антон тогда смутился, но остался благодарен отцу – он воспринимал его как равного, как взрослый мужчина взрослого мужчину.

Сейчас, глядя на Оксану, ставившую поднос с кофейным сервизом на столик, Антон мимолетно оценил ее стройную фигуру и полную грудь – прекрасно сохранилась, имея двоих детей. Молодец.

Они остались вдвоем. Отец и сын.

– Папа, я женюсь.

– Вот как? – Ничто не изменилось в лице отца, но Антон понял – новость его озадачила. – Кто она?

– Алиса Франк.

– Еврейка?

– Тебе не нравятся еврейские женщины?

– Мне?! Я их обожаю! Это такие изысканные красавицы и преданные подруги! Так она еврейка, значит?

– Немка.

– Немка. – Бардаков насупился, вспомнив Нору Рогову и ее чувственность, и развращенную Анну, и казненного им Коротышку. – Немка... – произнес он отстраненно.

Глядя на него, Антон опять озлился – пьянь, опять поплыл.

– Отец! – чуть не вскрикнул он.

– Да! – тут же очнулся Бардаков. Произнес неровным голосом: – А ты правда ее любишь? Реально любишь?

– Да. Мы любим друг друга.

– Хорошо. Я рад за тебя. Но я, прости, разужнаю о ней поподробнее... Как, ты говоришь, ее зовут?

– Не надо ничего узнавать, отец!

– Антон, ты мой наследник!

Антон понял, что, хоть и пьяный, отец в чем-то прав. Сказал сердито:

– Алиса Франк. Ее имя – Алиса Франк!

– Я понял и запомнил. Не кричи!

– Хорошо!

– Так не кричи!

– Я не кричу. Сказать отдельно? Не кричу-у.

– Выпьешь со мной?

– Отец, я за рулем!

– Да, да, точно. Уже едешь?

- Еду. Когда... одобрение на брак получить?
- Я сказал – все проверю... Увидимся, сынок...
- Увидимся.

Время летело. Антон продолжал встречаться с Алисой, прошло вручение дипломов, и был назначен день свадьбы.

После бурного торжества счастливые молодожены уехали в свадебное путешествие: Москва, Санкт-Петербург, Рига, Стокгольм, Копенгаген, Лондон.

Когда утомленный романтикой Антон, вернувшись на завод, приоткрыв двери кабинета, собирался войти, то увидел необъяснимое – отец, злой и не контролирующийся себя, стоял над избитым, с сопливым окровавленным носом Огурцовым, сжавшимся в комок в самом углу кабинета, и мочился на него. Антон затворил двери в глубоком смятении. Что это? Что здесь творилось? Неужели Игорь так сильно подвел отца? Тогда он и его (Антон – главного наследника!) здорово подвел! Что же натворил этот гад? Антон всегда его не любил – элитный умник, белая кость. Говнюк он хитрожопый, лакей у реальных хозяев. Холуй! Правильно, что отец решил его опустить, как это бывает в местах заключения. Отец теперь не прощал даже мельчайшего огреха! И правильно! Пусть быдло привыкает к своему месту!

Выждав минуту, Антон постучал. На стук из кабинета вышел злой отец – его лицо выражало ярость и решимость уничтожить того, кто пытался ему помешать творить расправу

в кабинете. Увидев Антона, он тут же просиял, удивился и несказанно обрадовался – эти чувства сыграть, вот так, спонтанно, невозможно. Антон, тут же отбросив мысли о виденном, счастливо заулыбался:

– Папа!

– Сынок! Ге-ге. Приехал! Дай обниму! Ох и здоров! Ну пойдем, посмотрим завод, цеха. Это теперь твое хозяйство!

– Я буду помогать Игорю? Или совсем сам? – Антон вдруг подумал, что Огурцов теперь уволен и они с отцом остались вдвоем – два хозяина.

– Пока ты будешь помогать, – улыбнулся отец, похлопывая радостно Антона по спине. – Игорь парень с головой. Куда мы без него?!

Феноменально! Он не злился на Огурцова! Он оставлял его всемогущим управляющим! Но что было там, в кабинете? Или Антону пригрезилось?

Первые месяцы Антон пунктуально появлялся на рабочем месте, но ничего не делал – все проблемы решали или отец, или Огурцов. Отношения отца и управляющего больше не омрачались ссорами, отец был корректен, а Огурцов заглядывал ему в рот, уже не смея перечить и гнуть свою линию.

Вскоре отец стал более рассеянно относиться к заводу – он разъезжал кортежем из внедорожников по городу, обедал и ужинал в лучших ресторанах, спускал деньги в тайных игровых притонах и в клубе русского бильярда, записался во

все городские библиотеки (во все десять!), много читал простейших книжонок о любви, где богатые старики влюбляли в себя юных обжегшихся неудачниц, висел в Интернете, умиляясь чувственным фильмам и сериалам, – странным стал.

Антон скучал в кабинете главного управляющего (Огурцова переселили в совершенно царские апартаменты со скромной табличкой «главный менеджер»), читал деловую прессу, ничего не понимал в хитром производстве фарфора, да, надо быть честным, и не хотел вникать (он Хозяин! Пусть Огурцов думает, как обогатить семью Бардаковых!). Через Интернет играл в шахматы и покер, добился в этих забавах огромных побед, ему выдали с десяток виртуальных медалей и начислили виртуальных золотых кубков. Антон стонал про себя – были бы это реальные деньги! Он надеялся, что, вернувшись после свадебного путешествия, окажется у главной кормушки, сможет запускать руку в заводскую кассу, обратит финансовым жирком, а оказался на голом окладе. Пусть в большом окладе, но у Огурцова было много больше!

Антон не понимал, почему отец не делится с ним барышами...

Однажды Антон собрался попросить Оксану связаться по телефону с персональной юридической конторой завода... К его удивлению, ее в приемной не оказалось. Он шагнул к двери кабинета Огурцова, открыл ее и замер на пороге.

Оксана лежала на столе, среди телефонов, канцелярских

приборов, рамок с сентиментальными семейными фотографиями Огурцова с родителями и в стенах альма-матер, повернув лицо к двери. Ее глаза сосредоточенно смотрели на Антона. Выражение лица было постное и задумчивое. Ее строгое деловое платье было задрано к животу, а стройные длинные ноги подняты и разведены в стороны. Упревший Огурцов, в костюме, при тесно сжимавшем горло галстук, со спущенными брюками и трусами, всаживал в покорное лоно секретарши своего «аргамака».

– Ох... – Заметив Антона, управляющий, в отличие от Оксаны, ужасно смутился, нервно отер галстуком покрасневшее лицо. – Это... Антон...

– Хорошо работаешь.

– Случайно...

– Брось. Не смущайся!

Лицо Оксаны не изменило выражения – полное безразличие, граничащее с брезгливостью и к Огурцову, и к Антону. Значит, отец все-таки приблизил эту лярву к себе ради потехи, а теперь, приевшись ею, отдал Огурцову. Кто же сейчас его развлекает? Он еще тот здоровый бычище, в нем жизненная сила играет, прет наружу неудержимо!

Огурцов совсем смутился, отошел от Оксаны, неловко натянув штаны, стал застегивать ширинку, а замок молнии цеплял ткань и стопорился.

– Извини.

– Игорь, что за глупости? Ты даже не кончил, – стал пере-

водить дело в шутку Антон.

– Нет. Не буду больше. Ты меня здорово сконфузил.

– С чего это? Мы же друзья! – неискренне возмутился Антон (с «друзьями» он совсем перегнул!). – Продолжай. Я пойду.

– Нет.

– Зря. Женщин надо удовлетворять до конца.

С этими словами Антон подошел ближе. Оксана не шевелилась, не меняя свою позу – ноги так же задраны и раздвинуты, лицо безразличное, – она знала, чем закончится весь «инцидент». Взглянув на прелести Оксаны, ждущие продолжения, Антон мгновенно испытал эрекцию, без лишних слов спустил брюки и ловко погрузился в сладостную истому сближения. Огурцов ушел, оставив их наедине.

Антон с удовольствием минут десять жег Оксану, бурно завершив. Ощувив невероятное опустошение и легкость, он благодарно потрепал Оксану по еще тугой груди:

– Спасибо.

Оксана улыбнулась.

Вернувшись в кабинет, Антон вдруг почувствовал вину перед супругой. Он набрал на сотовом номер домашнего телефона. Долго никто не брал трубку. Антон стал нервничать, сбрасывать и набирать вновь и вновь.

– Алло.

Голос Алисы ему не понравился.

– Это я, дорогая.

– Да, дорогой. Когда приедешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.